

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ СЕДАЛИЩ, ПОЗ СТОЯНИЯ, СИДЕНИЯ И ЛЕЖАНИЯ В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ

В статье анализируется символическое значение поз стояния, сидения, и лежания в архаической и традиционной культурах с привлечением материалов древнего искусства и некоторых канонических текстов. Рассматривается также семантика сидалищ в ритуальных изображениях.

Ключевые слова: позы сидения стояния, лежания, семантика, мистика пиров.

Артефакты, оставшиеся от древних культур, не связанные с производственной деятельностью, как правило, относятся к сфере культовых практик и пронизаны глубоким символизмом. Скамьи, престолы имеют, конечно, своё практическое значение. Однако, если они попадают в пространство культовых изображений, то, как правило, наделяются особым символическим смыслом, также, как и поза изображенного.

В статье мы попытаемся проанализировать символическое значение объектов для сидения, а также поз сидения, стояния и лежания, запечатлённых в архаическом и традиционном искусстве и описанных в источниках.

Эта тема не раз становилась предметом исследования в работах лингвистов (А. Кретов, В. Топоров), филологов (О. Фрейденберг), культурологов (А. Голан).

Перечисленные авторы использовали лингвистический материал, древние графические и скульптурные изображения, выявляя полисемантические смыслы концептов движения, символику поз и объектов для сидения. Мы попытаемся, опираясь на их выводы, привлечь и проанализиро-

вать некоторые аспекты поз сидения, лежания и стояния в культуре, привлекая образы архаичного и традиционного искусства и тексты.

Если обратиться к истокам культуры, то самым ранним образом, позволяющим приступить к изучению этой темы, является образ «палеолитической вены» – древнейшее изображение человека в целом. Самым древним из них 35-40 тыс. лет (в мае 2009 года на юге Германии неподалеку от Штутгарта была найдена «венер», которую окрестили «Швабской»). Анализ найденной в 2009 году в Германии «швабской вены» показал, что ей не менее 35, а может быть, и 40 тысяч лет). Типичные фигурки обнажённых женщин с подчеркнутыми чертами пола находят в культурных палеолитических пластах на территории всей Евразии. Кажется очевидным, что палеовенеры изображаются древними мастерами в стоячих позах. Однако, созданных как будто в стоячей позе венер поставить нельзя, так как у большинства из них отсутствуют ступни ног, либо они стилизованы, заужены так, что поставить их невозможно (знаменитую «швабскую венеру», скорее всего носили на тесьме в виде амулета, так как вместо головы у неё выточено кольцо). В таком случае можно предположить, что, либо они лежали, либо их втыкали в землю, возможно, в том месте, где в древнем жилище располагался алтарь. Для этого и зауживались, заострялись ступни. Большинство исследователей склоняются к тому, что палеовенеры олицетворяли прародительницу, плодоносящую силу рода. «Втыкание» палеовенер в землю, если оно, действительно практиковалось, скорее всего, по мысли древнего человека, соединяло её с плодоносящей силой земли, источником живоносной силы природы [Правда, 2010].

Не противоречит этой идее и мнение о том, что палеовенера является собой образ древней богини, как это считает Ариэль Голан [Голан, 1994, с. 164-164].

Можно предположить, что поза стояния воспринималась как поза наполненности витальной силой. Действительно, поза лежания – это поза расслабленности, сна, незащищённости, смерти. Лежат младенцы, больные, спящие, мёртвые.

В своем исследовании, посвящённом концепту движения, В. Н. Топоров отмечает, что глагол «стоять» образует понятийный каркас как космологических, так и антропологических текстов, связанных с образами организации–порядка мира и человека как результата творения. Стояние как «самостояние», самодостаточность, залог величия человека но и жизнеспособности, наполненности витальной силой [Топоров, 1996, с. 57].

Подавляющее большинство архаических культовых скульптур изображены именно в стоячих позах. Среди них упоминающиеся уже палеолитические венеры, трипольская мелкая пластика, изображающая богинь [Кабакова, 2001], загадочные кикладские идолы. Мы ограничимся только этим кругом архаических изображений. Сразу оговоримся, что среди трипольских и кикладских идов есть определённое количество сидячих фигур, но о них речь пойдёт ниже.

Эти три культурных комплекса имеют ряд сходных типологических черт. Первые четыре черты касаются всех изображений: 1) изображается женское тело, 2) оно изображается обнажённым, 3) у идов отсутствуют лица (палеовенеры), либо они заменены личинами, стилизованы под птиц, 4) изображенные в стоячих позах самостоятельно стоять они не могут, так как у них заужены или отсутствуют ступни. Особо следует подчеркнуть, что при «неумении» стоять у трипольских и кикладских идов подчеркнут вертикализм: жёстко прямой спиной, уплощённостью фигур, обращённостью личин вверх.

У палеолитических венер вместо лиц – волнистые линии или заглаженная поверхность. У трипольских богинь и кикладских идов – личина.

Личина, как уже упоминалось, отсылающая к образу птицы – древнейший символ души – бессмертного и бесплотного двойника человека. Руки у трипольских и кикладских идолов также нередко стилизованы под птичьи крылья. Гипертрофированные женские черты, свойственные палеолитическим венерам, у более поздних женских идолов сглажены. Трипольские идолы в большинстве случаев несут на себе знак вагины – треугольник.

Как представляется, эти три древних культурных комплекса манифестируют единый семантический ряд: нескончаемой и вечно возрождающейся жизни, обеспечивающейся женским божественным началом. Поза стояния в данном случае поддерживает эту семантику. То, обстоятельство, что идолы кинетически амбивалентны: могут принимать как стоячую (через втыкание или подвешивание), так и лежачую позу, – очевидно, усиливает этот смысл.

Древнейший культурный комплекс Гебекли-Тепе (14-15 тыс. до н. э.) может быть включен в круг нашего внимания вследствие присутствия в нем сложной системы горизонтальных и вертикальных плоскостей. Гебекли-Тепе относится к древнейшим на планете культовым сооружениям пока ещё мало понятный для специалистов. С осторожностью ученые предполагают, что это была древняя обсерватория, в которой наблюдения за небом сочетались с астральными и солярными культами. Об этом говорят символические изображения луны и солнца [<http://archeonews.ru/sekret-gyobekli-tepe-kosmicheskoe-ravnodenstvie-i-svyashhennyj-brak-chast-1/>]. Присутствуют рельефы животных и антропоморфные фигуры людей или богов, которые изображаются стоя, что впоследствии стало характерным для женских божеств Ближнего Востока.

Этот храм, вернее комплекс храмов любопытен также чередованием прекрасно отшлифованных вертикальных каменных плоскостей. Общим для всех храмов являются ритмически повторяющиеся по кругу Т-

образные колонны, вернее пилоны, так как они имеют прямоугольные сечения в основании. Эти Т-пилонны представляют собой сочетание или сопряжение вертикали и горизонтали. Высота пилонов от 3-х до 6-ти метров. В храмах есть и горизонтальные каменные плиты, расположенные на уровне, сопоставимом с человеческим ростом и ниже. Эти каменные установленные горизонтально плиты представляют для нас особый интерес. Согласно обобщениям О. Фрейденберг, основанном на работах ряда немецких археологов, происхождения священных столов-алтарей ведёт свое начало от камня, дерева, насыпи, позднее каменной плиты. Жертвенник, алтарь, стол, плита в архаических, а потом и традиционных культурах становятся «местом силы», местом пребывания, восседания божества и возложения для него жертв, даров. Как указывает исследовательница, этот жертвенник, как живого бога «одевают» (покрывают тканью), «кормят» (окропляют кровью или вином) [Фрейденберг, 1997].

Таким образом, можно предположить, что в храме Гёбекли-Тепе представлен самый древний в истории человечества алтарь в виде горизонтальной плиты – прообраз будущих столов, престолов, седалищ. Возможно, на нём устанавливалось божество в зоо- или антропоморфном образе.

В традиционной культуре место божества на алтаре займет земной владыка, божий избранник и помазанник царь или князь. Именно акт сидения на алтаре-престоле станет самым ярким знаком его земной власти, дарованной свыше. Сидящие на алтаре-троне владыки будут во множестве представлены в искусстве древнего Египта

Однако первые известные изображение сидячих поз в искусстве относятся к 6 тыс. до н. э. Они происходят из Чатал-Хуюка.

Из неолитического поселения Чатал-Хуюк происходит много женских статуэток, и изображений женщин, которым придана сидячая поза. Генетически они связаны с палеовенерами, так как изображаются обнажёнными

ми с подчеркнутыми чертами пола. Они сидят на ягодицах или подогнутых ногах. Скорее всего они относятся к типу рожаящих женщин или богинь. Думается, их можно трактовать как символы утверждения жизни, жизнедательной силы богини, женского начала.

Некоторые из женщин изображаются сидящими на небольших седалищах, похожих на табуретки без подлокотников или с невысокой спинкой [Сафронов, 1989].

Можно сделать вывод о ритуальном значении этих седалищ, связанных с культом богини и актом рождения, так как в обиходе Чатал Хуюка такая «мебель» не найдена. Как указывает Бацалев В.В. Внутри для лежания и сидения в жилищах Чатал-Хуюка из глины устраивались невысокие платформы типа лежанки или скамьи [Бацалев, 1999].

В дополнении к этому укажем, что у некоторых народов Ближнего Востока роженицу в определенный момент сажали на низкое ритуальное седалище, на котором ей надо было качаться, чтобы придать нужное положение младенцу, а в европейской культуре вплоть до Нового времени в обиходе существовали стулья для рожениц специальной конструкции, кстати предшествующие гинекологическому креслу.

Среди образов, происходящих из Чатал-Хуюка выделяется особый тип графического и скульптурного изображения – это опирающиеся на леопардов рожаящая богиня. Особенно интересна статуэтка тучной богини между двумя леопардами (6 тыс. до н.э.) Нередко исследователи называют её «богиней на троне, украшенном леопардами». Однозначно можно сказать, что, действительно, богиня сидит не на подогнутых коленях, а на седалище. С двух сторон богиню фланкируют грубо отделанные фигуры леопардов. Ее ноги упираются в черепа (вероятно, предков), между ногами видна голова нарождающегося младенца [http://rec.gerodot.ru/chatal/statues.htm]. Впрочем, некоторые авторы интер-

претируют плохо оформленную массу, выходящую из лона богини не как младенца, а как голову быка или барана. Таким образом, богиня обеспечивает плодovitость не только человеческого рода, но и животных. Скульптуру нашли в силосной яме, поэтому трактуют обычно так: роженица (она же богиня плодородия), вбирая силу предков, магически воздействует и на плодonoсность растений.

Седалище богини оказывается самым древним артефактом из разряда, как бы мы сказали «мебели». То есть первым изготовленным человеком предметом, который удостоился изображения, был именно стул, точнее, престол. Богиня сидит обнаженной. Её голову украшает диадема выполненная в виде простого круга. Скорее всего он символизирует солнце, то есть является солярным знаком, защищающим и обеспечивающим благополучие, а также знаком, делегирующим часть божественной солнечной жизнедательной энергии богине. Таким образом, можно предположить, что престол как символ высокого статуса утвердился в культуре раньше, чем одежда.

К эпохе неолита относятся нередко встречающиеся изображение женщин на корточках с разведёнными ногами. Это изображение рожающих женщин или как считают некоторые исследователи, богинь. В эту же эпоху сюжет рожающих женщин, по утверждению Ариэля Голана, трансформировался в схематическое изображение вертикальной линии(тело) с двумя скобами или полукружиями сверху и снизу (руки и ноги) [Голан, 1994, с. 169, рис. 372]. Превращение образа в эмблему свидетельствует о его культовой значимости.

В. Н. Топоров замечает, что сидение подразумевает промежуточное положение между стоянием и лежанием, в мифопоэтическом смысле - между жизнью и смертью. Поэтому в контексте архаической культуре сто-

яние и сидение, это позы, связанные с культом плодоносящей силы (стояние) и рождения [Топоров, 1996].

В архаическом искусстве очень мало изображений в лежачих позах. Понятно, что семантически они связаны со сном и смертью. В.Н. Топоров замечает: «<...> Наиболее яркий образ лежания, воплощение самой этой идеи - мертвое тело» [Топоров, 1996]. Но с другой стороны, лежачие позы (сна, смерти), приближают человека к грани запредельного мира, инобытия. Возможно, палеовенерам во время ритуалов попеременно придавались как стоячие, так и лежачие позы, которые должны были символизировать вечный цикл жизни и смерти.

В рисунках, относящихся к палеолитическому искусству, есть очень интересные изображения в лежачих позах. Самое знаменитое из них изображение из пещеры «Ляско», которое получило название «Охотника на бизона»: поверженный охотник лежит перед разъярённым бизоном. При внимательном рассмотрении мы видим, однако, не человека, а птицеголовое и четырехпалое существо. При этом у существа, производящего впечатление умирающего, фаллос находится в состоянии эрекции. Бизон изображен реалистически, с соблюдением пропорций, а странная фигура очерчена весьма схематично. Как говорилось выше, птица – древнейший универсальный символ души.

Очевидно, этот образ презентрует мотив разлучения души с телом. «Живой» фаллос, возможно, символизирует возрождению для новой, иной жизни. Таким образом, лежащее существо изображено в момент мистической трансформации. Это не единственный подобный образ, который встречается в палеолитическом искусстве.

Интересные скульптурные аналоги этого образа встречаются в позднепалеолитических и раннеолитических культурах, открытых в двадцатом веке. Речь идёт опять о храме Гёбекли-Тепе (14-15 тыс. до н.э.) и поселе-

нии Чатал-Хуюк. Среди археологических находок в Гёбекле-Тепе есть загадочная скульптура мужчины. С изображением из «Ляско» его роднит птицеподобное лицо и руки, а также обнажённый фаллос. У скульптуры круглые, как у птицы глаза, клювоподобный нос, расширенные от локтя руки с пальцами одинаковой длины, напоминающие перья: руки трансформируются в крылья, Руками-крыльями человек или птицеподобное существо наполовину прикрывает обнажённый фаллос. Изображено существо в стоячем состоянии. Этот артефакт можно интерпретировать как образ духа, души, или преобразующегося после смерти человека. Ряд интерпретаций можно продлевать: существо божественной природы; существо, соединяющее в себе атрибуты небесной богини (птицы) и мужского бога (фаллос).

В архаических культурах существовали традиции захоронения людей в жилищах. Так, в Чатал-Хуюке мужчин погребали под лежанками или скамьями в жилых домах отдельно от женщин и детей [Бацалев, 1999].

Эта конструкция: «тахта» из глины для сна, под которой покоятся кости усопших близких, предков воспроизводит очень яркий семантический круг. Во время сна (временной смерти) человек занимает лежачее положение, он оказывается в одном мире с предками Ночью, в таинственное тёмное, сакральное время коллектив родственников мистически соединяется

В традиционной культуре стояние, сидение и лежание получают новые символические смыслы.

Стояние по-прежнему остается образом витальной демиургической силы, мобилизации энергии.

Это особенно отчетливо прослеживается в обрядах родин. Через родинный обряд красной нитью (в отличие от архаической культуры) проходит идея стояния. Как указывают исследователи родинных обрядов, в подавляющем большинстве случаев рожали стоя, причем обоснование такой позы было весьма разнообразно: от «физиологической» – лежачая поза

опасна для ребёнка – до «этической» – «Рожать лежа – грех». Роженицу водили по дому и двору, не давая ей возможности лечь [Родиной, дети ..., 2001].

Стояние с точки зрения народной культуры, обладает сверхэмпирическим смыслом: стоять значит жить; о бездетной семье или о семье, где умирали дети, говорили: «У них дети не стоят» [Родиной, дети ..., 2001].

В искусстве традиционной культуры широко представлены сидячие образы. Если не брать во внимание бытовые сцены, то сидячие образы чаще всего связаны с изображением земных владык, верховного божества. Как уже говорилось, особенно интересны сидячие образы египетских фараонов. Со школы все помнят роскошный «трон Тутанхамона», найденный в его гробнице. Это богато украшенный росписью, усложненной формы с подлокотниками и широкой спинкой престол. Однако египетские фараоны никогда не изображаются на столь изысканных седалищах. Церемониальный трон фараона представляет собой очень аскетичное седалище без подлокотников с низкой спинкой или без неё, простой геометрической иногда несколько зауженной кверху формы. Фараон Аменемхет III сидит именно на зауженном престоле без спинки и ручек, это отчетливо видно, особенно, если смотреть на скульптуру сбоку [Матье, 1970, с. 82]. У фараонов Древнего царства троны вместе со спинкой и подножием образуют три ступени, то есть являются ещё и образом лестницы [Матье, 1970, с. 22].

Церемониальные египетские троны, как можно предположить, манифестируют основные идеи культа египетских владык: фараон, венчающий гору-алтарь есть божество, соединяющее землю и небо. Очень важное значение в египетском символизме занимает образ лестницы. Лестницы были символами пути на небо. Раннее изображение Озириса показывает его в виде бога на верхнем конце лестницы, что означает его воскрешение после смерти. Ранние египетские пирамиды имели ступенчатую форму (Джосе-

ра) собственно представляли лестницу. Умершие снабжались амулетами в виде лестницы, как выражение надежды на новую жизнь. В "Книге Мертвых" (конец гл.153) говорится: «Теперь начинаю я подниматься, но ступеням небесной лестницы, которую Ра, мой божественный отец, уже давно готовит для меня» [Лукер, 1998].

Заметим, что фараоны изображаются и стоящими, но гораздо реже, чем сидящими. Есть скульптуры стоящих фараонов с выдвинутой правой ногой, то есть на самом деле это не стоящие, а идущие владыки. Скорее всего «хождение» фараонов есть олицетворение их божественной энергии, властной «поступи». Боле часто встречающаяся в скульптуре, каноническая или церемониальная для них поза – поза сидения на престоле.

Ставшая тотальной в традиционной культуре иерархия и отношения «раб–господин», «верхи–низы» делало сидячую позу владык особенно актуальной. О. М. Фрейденберг указывает, что «сидящий аналогичен богу», а «сидение» – это божественная поза, «сильная» в ситуации одновременного сидения и стояния участников ритуала: стоит – проситель, сидит – даритель [Фрейденберг, 1997].

Как пишет А. Кретов, древние индоевропейцы проецировали отношения между свободными и несвободными на отношения между богом и человеком. Человек «несвободен» перед богом – он стоит перед ним и сидит перед несвободными по отношению к нему людьми. Жрец, полагает он, стоит в ритуале, потому что он верит: боги, которых он молит о ниспослании благ, в этот момент внимают ему сидя на своем небесном престоле [Кретов, 2002, с. 57].

В культуре восточных славян сидение на троне, престоле есть знак власти. От «стол» происходят однокоренные слова «престол», «стольный», «столица». М. Фасмер, изучая этимологию слово «стол», показывает его восхождение к понятию возвышение, холм [Фасмер, 1996, с. 764]. Та-

ким образом, мы видим здесь аналогии с образом горы, на которых восседают египетские фараоны.

Новый смысловое значение в традиционных культурах получает мотив лежания. Особенно отчетливо это проявилось в античной культуре. Как известно, у греков установилась традиция возлежания на пирах, которую потом переняли и римляне. Возлежание вводит в иной семантический круг: расслабленность, отдых, свобода, приобщение к гедонистической стороне жизни или даже воспроизведение образа сакрального божественного пира. Ряд исследователей утверждает, что обычай возлежать на пирах пришёл к грекам от персов, то есть с Востока.

Гераклид из Кум, автор "Персидской истории" описывает пир персов. За редким исключением и гости и царь пируют в отдельных залах. Царь с избранными располагается отдельно за занавесом. Если же после обеда царь приглашает гостей войти к нему пить вино, то и тогда гости сидят на полу, а он возлежит на ложе с золотыми ножками, и пьют они разное вино. Позы лежания и сидения подчеркивают дистанцию и разный статус пирующих [Афинея, 2003].

Если даже греки и заимствовали у персов практику возлежания на пирах, то она демонстрировала семантически противоположный смысл: равенство членов полиса, свободных граждан, наслаждающихся жизнью. Все участники пира возлежали на триклиниях без всякого ранжирования, хотя были более почетные места рядом с хозяином. Симпосиарх – распорядитель пира, выбирался демократически, всеми участниками симпосиума.

Как указывает О. Фрейденберг, Греции и Риме сидели только в знак траура. Женщины и рабы возлежать за столом не могли. Для женщин было уготовано особое место – сиденье у ног возлежавшего мужа [Фрейденберг, 1997].

То обстоятельство, что на пирах у персов, а потом у греков, римлян, иудеев, то есть по всему Средиземноморью стала устанавливаться практика возлежания, имеет свои идейные истоки, восходящие к мистике пиров и их значению в повседневной жизни.

Греческий пир можно рассматривать как проекцию пира олимпийского, пира богов. На Олимпе боги почти непрерывно возлежали на пирах, ненадолго прерываясь на земные дела. Греческий пир с его основными атрибутами – омовение, молитва, запрет на пустые разговоры, украшение себя венками, умащение благовониями, музыка, танцы – носил черты ритуала. Участники пира проецировали в этом ритуале пир олимпийский. Исследователи традиционной культуры, в частности Мирча Элиаде, говорят об этом как о проявлении священного в мирском, как повторение, циклическом воспроизведении мифа [Мирча Элиаде, 1994, с. 17].

Пир с его изобилием, безопасностью, кругом близких людей, радостным вследствие опьянения настроением, эстетическим наслаждением рассматривался как апофеоз бытия. В книге Афиней Гомер на вопрос Гесиода о том, что есть для смертных услада, отвечает – пир:

«– Молви, прошу, еще об одном, Гомер богоравный:

Есть ли для смертных для нас какая на свете услада?

– Лучшее в жизни – за полным столом, в блаженстве и в мире

Звонкие чаши вздымать и слушать веселые песни» [Афиней, 2003].

И конечно, наиболее приличествует такому моменту поза неги и расслабления.

Уже упоминалось, что традиция возлежать за трапезой распространилась и среди иудеев. В древние времена евреи ели сидя (Быт.43: 33; 1 Цар. 20:25; Пс. 127:3), но позже последовали обычаю персов, греков и римлян возлежать за столом. Центральным в череде праздничных пиров у иудеев является пасхальный пир – седер. В доевангелическую эпоху евреи ели пасхального агнца стоя и с посохами в руках, как напоминание о тяжелом

рабском состоянии, выходе из Египта и долгой страннической жизни после этого. Согласно Талмуду, рабы в отличие от свободных должны были есть стоя, а свободные не придерживались этого. Таким образом, стояние за трапезой являлось признаком несвободы, рабского состояния. Со временем иудеи отказываются от практики стояния на пасхальном пире. Ко времени Христа они уже возлежали, что указывало на переход Израиля от рабства к независимости и символизировало безопасность, спокойствие и свободу [Глигоров, 2011]. Пасхальный пир у евреев стал все больше и больше восприниматься как предвосхищение «мессианского пира», а не как воспоминание об исходе из Египта. Он связывался с будущим приходом Мессии и освобождением от духовного рабства греха и торжеством истины, победой добра над злом [Глигоров, 2011].

В новозаветные времена среди иудеев практика возлежания на пирах и за трапезой, судя по текстам, распространилась повсеместно, включая и бедные слои населения. Из евангельского рассказа о женщине, которая в доме Симона помазала ноги Иисуса, понятно, что Христос не сидел за столом, а возлежал, иначе она не смогла бы стоять позади Иисуса у его ног, мазать их миром и обливать слезами (Лук. 7:37). Возлежал Иисус и на пиру у Лазаря «Там приготовили ему вечерю и Марфа служила, а Лазарь был одним из возлежащих с ним» (Иоан., 12:2). Об Иоанне, любимом ученике Христа не раз говорилось, что он возлежал у груди Иисуса ((Иоан. 13:23; 21:20).

Иисус возлежал на Тайной вечере, на пасхальном пиру, который превратился для избранных в ожидаемый «мессианский пир» (Иоан. 13:12, 13:23)

Таким образом, мы видим, что на различных этапах развития культуры позам сидения, стояния и лежания придавался различный семантический статус.

Библиографический список

- Правда В. Л. Эволюция героя: от «палеовенер» к постчеловеку // Вестник Томского университета. – 2010. – № 338. – С. 76-83
- Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1994. – 375 с
- Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. – М.: «Индрик», 1996. – С. 7-88.
- Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. – М.: Ладомир, 2001. – 335 с.
- Секрет Гёбекли-Тепе: космическое равенство и священный брак. Часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://archeonews.ru/sekret-gyobekli-tepe-kosmicheskoe-ravnodenstvie-i-svyashhennyj-brak-chast-1/>
- Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Издательство "Лабиринт", 1997. – 448 с.
- Сафронов В. А. Индоевропейские прародины – Горький: Волго-Вятское изд-во, 1989. – 398 с.
- Бацалев В. В. Тайны городов-призраков. – М.: Вече, 1999. – 416 с.
- Чатал-Хуюк. Женские статуэтки [Электронный ресурс]. URL: <http://rec.gerodot.ru/chatal/statues.htm>.
- Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; Отв. Ред. С. Ю. Неклюдов. (Серия «Традиция – текст - фольклор») – М.: РГГУ, 2001. – 318, [1] с.
- Матье М. Э. Искусство древнего Египта. – М.: Искусство 1970. – 197 с.
- Лукер М. Египетский символизм. Серии "Символы": Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век». – М., 1998. – 179 с.
- Кретов А. А. Обед и беседа: славянские этимологии // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №3. – С. 24-56.
- Фасмер М. Этимологический словарь Русского языка в четырех томах. Т. 3. – СПб: Азбука, 1996. – 831 с.
- Афиней. Пир мудрецов: В 15 кн. = ΑΘΗΝΑΙΟΥ. ΔΕΙΠΝΟΣΟΦΙΣΤΩΝ. (Серия «Литературные памятники») Книги I—VIII. / Пер. Н. Т. Голинкевича. Комм. М. Г. Витковской, А. А. Григорьевой, Е. С. Иванюк, О. Л. Левинской, Б. М. Никольского, И. В. Рыбаковой. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Наука, 2003. – 656 с.
- Мирча Элиаде. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
- Глигоров Г. Ветхозаветные праздники в историческом контексте и их преобразовательное значение: Автореф дисс. на соиск. уч. ст. канд. богосл. – Сергиев Посад, 2011. – 47 с.

**ON THE QUESTION OF THE SEMANTICS OF SEATS, POSTURE
OF STANDING, SITTING AND ANCIENT CULTURES**

The article analyzes the symbolic meaning of standing, sitting and lying in archaic and traditional cultures with the help of materials of ancient art and some canonical texts. The semantics of saddles in ritual images is considered.

Key words: posture of sitting, standing, lying, semantics, mysticism of feasts.